

Когда, росой обрызганный душистой,
Румянймъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу [сонъ,
Про мирный край, откуда мчится онъ—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Гусару-поэту.

А. Л. П.—ВУ.

Росписку просишь ты, гусарь,—
Я получилъ твое посланье;
Родилось въ сердцѣ упованье,
И легче сталъ судьбы ударъ;
Твои плѣнительны картины
И дерзкой списаны рукой;
Въ твоихъ стихахъ есть запахъ винный,
А рифмы льются

Грязная свобода
Тебя въ пророки избрала;
Давно для глазъ твоихъ природа
Покровъ обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезломъ волшебнымъ
Хоть отвратительный предметъ,
Стихи звучать ключемъ цѣлебнымъ,
И люди шепчутъ: онъ поэтъ!

Такъ нѣкогда въ степи безводной
Премудрый пастырь Ааронъ
Услышалъ плачъ и вопль народный,
И жезлъ священный поднималъ онъ;
И на челѣ его угрюмомъ
Надежды лучъ блеснулъ живой,
И тронулъ камень онъ нѣмой,
И брызнулъ ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Поворожденною струей.

Ребенку.

ВЪ АЛЬБОМѢ АРХ. ПАВЛ. ПЕТРОВУ.

Ну, что скажу тебѣ я спросту?
Мнѣ не съ-руки хвала и лесть:
Дай Богъ тебѣ побольше расту—
Другія качества всѣ есть.

Казбекъ.

Спѣшна на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Принесъ я—странникъ—свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увить,
И гордый ропотъ человека
Твой гордый миръ не возмутить.
Но сердца тихаго моленье

Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье—
Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынь безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельѣ мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье.
Боюсь сказать... душа дрожить...
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найду ль тамъ прежнія объята?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?

О! если такъ... своей метелью,
Казбекъ, засыпъ меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

Кинжалъ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на мѣсть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ чергестъ свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнцы таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.

Ты даешь мнѣ въ спутники, любви за-
логъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не беспо-
лезный:

Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой,
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

Она поетъ—и звуки таютъ,
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ—и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли—всѣ ея движенья
Иль молитвы слово—всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!